

Пасха на Святой Руси

2–3

Пасха на рубеже веков

4–5

Победная Пасха 1942 года

6–7

Светлая заутреня

8

ХРИСТОС

ВОСКРЕСЕ!

В ночь с 1 на 2 мая 2021 года в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя в Москве Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил Пасхальные богослужения. Его Святейшеству сослужили архипастыри, московское духовенство. Пасхальное богослужение в Храме Христа Спасителя посетили Президент России В.В. Путин и мэр г. Москвы С.С. Собянин. На праздничном богослужении также присутствовали представители государственных и общественных организаций, в том числе и руководители Движения «Россия Православная».

Перед началом богослужения Предстоятель Русской Православной Церкви в прямом эфире поздравил зрителей трансляции с праздником Светлого Христова Воскресения: «Дорогие братья и сестры!

По традиции, перед началом Пасхального богослужения я всякий раз обращаюсь к вам из алтаря Храма Христа Спасителя. И когда обращался в прошлом году, я говорил, что слово мое звучит в храме, в котором нет народа, – свидетелем тому была тишина, такая непривычная тишина в храме, где должно совершаться Пасхальное богослужение. И мы знаем, почему было так: эпидемия, страшная инфекция в значительной мере парализовала жизнь людей, и это сказало, в том числе, и на религиозной жизни, на посещении храмов.

А вот сегодня мы слышим шум – шум от наполняющего храм народа, и радуется сердце. Что-то все-таки произошло за этот год, и несмотря на то, что угроза заражения вирусной инфекцией еще остается, она постепенно отступает под натиском общих усилий – и врачей, и властей, и каждого из нас, кто научился жить во время пандемии и кто использует все необходимые средства для личной защиты и защиты своих близких.

В этот Пасхальный день мне бы хотелось от всего сердца пожелать всем вам, всему нашему народу скорейшего и полного освобождения от коронавирусной инфекции, но не только. Коронавирусная инфекция заражает тело человека, но мы знаем, что существует множество невидимых инфекций, которые заражают человеческую душу. И если болезнь тела очевидна, от нее и сам человек страдает, и окружающие видят, что он страдает, то вот от духовной болезни не всегда проистекают какие-то видимые проявления, которые помогали бы и людям, и ему самому опознать, что такая болезнь существует.

Болезнь духа – это та болезнь, которая возникает от человеческого греха. Да-да, от того самого греха, о котором современный человек не имеет должного представления, а иногда даже иронизирует над этим понятием. А на самом деле грех есть духовная болезнь. Как вирус есть земная, фи-

зическая болезнь, так и грех есть духовная болезнь, и куда более опасная, чем физическое заболевание.

Христос пришел в мир, пострадал и воскрес именно для того, чтобы Своей жизнью, смертью и Воскресением даровать нам победу над грехом. Он принес нам эту победу, и для того чтобы мы стали наследниками этой победы, мы должны хранить веру в сердце, несмотря ни на что. Мы должны возрастать в совершении добрых дел, для того чтобы мы сами менялись и чтобы мир вокруг нас менялся к лучшему. И если все будет так, то действительно наступит исцеление, то самое духовное исцеление, которое не менее важно, чем физическое исцеление от болезни.

Дай Бог, чтобы народ наш в полной мере обладал духовным здоровьем и одновременно чтобы и физическое здоровье наших людей не подвергалось таким опасностям, каким оно подвергалось и, к сожалению, еще подвергается под влиянием грозной инфекции. Я всем вам желаю доброго здоровья, душевного и телесного, мира, благополучия, покоя и, самое главное, твердой веры и убежденности в том, что Воскресший Христос открывает нам реальную возможность к тому, чтобы менять жизнь к лучшему, а значит, воз-

растать в духовном благополучии, которое на простом человеческом языке именуется счастьем.

Сердечно поздравляю вас с праздником Воскресения Христова. И пусть свет от той самой пещеры, в которой произошло это таинственное и великое событие, духовный свет Евангелия прикоснется к каждому из нас, укрепляя нас в вере, благочестии, мудрости и чистоте.

По традиции в Пасхальную ночь в Храм Христа Спасителя из Храма Воскресения Христова (Гроба Господня) в Иерусалиме был принесен Благодатный огонь, сошедший в самый день празднования на Гроб Господень.

Под пение стихир «Воскресение Твое, Христе Спасе» был совершен крестный ход, возглавляемый Первосвятителем, по стилобату вокруг Храма Христа Спасителя.

По окончании богослужения Святейший Патриарх Кирилл вновь поздравил верующих с Пасхой:

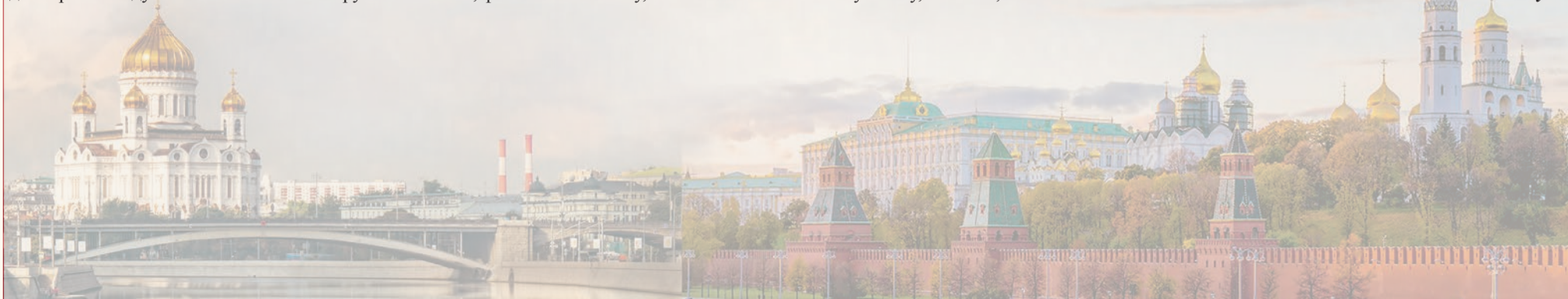
«Дорогие Высокопреосвященные и Преосвященные владыки! Дорогие отцы, братья и сестры!

Всех вас сердечно поздравляю с миротворительным праздником Воскресения Христова! Господь через Свое Воскресение утвердил Свою власть на небе и на земле, в мире видимом и невидимом. Он сокрушил начальника и основоположника зла, а это означает, что у зла нет всемогущей власти. Зло властно лишь настолько, насколько мы, люди, готовы ему подчиниться, и никакими другими факторами не определяется сила зла и его влияние на род человеческий. И для того чтобы человек имел возможность и силу сопротивляться злу, Господь и создал Церковь Свою, через которую мы приобщаемся силы Святого Духа, в которой мы вкушаем Тело и Кровь Спасителя – Победителя смерти и дьявола, в которой мы научаемся слову Божию.

Вот почему так важно хранить веру в сердце, и радуюсь тому, что все больше и больше людей в нашей стране осознают, насколько судьбоносно для каждого человека и для всех нас вместе быть людьми верующими, верить в Бога и прославлять Его Воскресшего Сына. И верим: покуда не уходит из жизни народа нашего вера, покуда с каждым поколением приходят все новые и новые люди, которые становятся в ряду учеников Спасителя, у нас есть надежда и на наше личное спасение, и на преобразование жизни народа нашего, всей страны нашей и всей исторической Святой Руси.

Воскресший Спаситель да укрепит всех нас в вере православной, в мире, любви, чистоте, в готовности помогать друг другу и нести тяготы друг друга, дабы прославлялось имя Воскресшего Спасителя и в сердцах, и в помышлениях, и в душах и телах наших. Аминь».

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси

ПАСХА НА СВЯТОЙ РУСИ

Часто ли, радуясь Христову Воскресению, мы задумываемся над традициями празднования Пасхи, которым следовали наши предки? Насколько они нам известны? Предлагаемая статья призвана помочь разобраться в этом. В ее основе публикации этнографа С.В. Максимова, записавшего народные обычаи, приуроченные к пасхальным дням, исследователя старины Г.П. Георгиевского, воссоздавшего особенности отправления церковных праздников в Москве, и воспоминани иностранцев, посетивших Московскую в XVI–XVII веках

Сей нареченный и святой день, праздников праздник и торжество торжеств – так Православная Церковь именует в Пасхальном каноне Светлое Христово Воскресение, отводя ему в годичном круге богослужений центральное место. В основе праздника – воспоминание о последних днях земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, Его искупительных страданиях, крестной смерти, погребении, сошествии во ад и Воскресении из мертвых. Сообразно воспоминаемому в этот день событию, праздник Святой Пасхи обозначает переход от смерти к жизни и от земли к Небу, иного жития – вечного – начало. Он венчает собой сорокодневный пост, приурочивающий верных к достойной встрече Спасителя.

Будучи величайшим из христианских праздников, Святая Пасха является вместе с тем и любимейшим народным: русская душа как бы растворяется и смягчается в теплых лучах Христовой любви, чувствуя живую и сердечную связь свою с Исккупителем мира. Православная Церковь именует Пасху «торжеством торжеств», что как нельзя больше соответствует общенародному воззрению на этот праздник.

ПАСХА В ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ

Светлое Христово Воскресение неизменно широко отмечали на Святой Руси, с большим размахом, чем прочие двенадцатые праздники, включая Рождество. Пасха буквально разливалась по городам и весям Державы Российской, превращая священную ночь в ликующий день. С особым торжеством, церемониально, она отмечалась в старой Москве.

Пасхальное богослужение в Кремле совершалось патриархом ночью в Успенском соборе в присутствии царя и свиты, облаченных в драгоценные золотые одежды, великолепие которых придавало церковным обрядам особую торжественность. Не уступали им в этом и патриархи с архиереями.

Сопровождавший путешествующего в России в середине XVII века Антиохийского патриарха Макария архидиакон Павел Алеппский, оставил следующее описание пасхального облачения, возложенного в 1655 году на патриарха Никона в алтаре Успенского собора: «На нем был саккос, тяжесть которого невыносима; сделан он был по заказу Никона из желтой венецианской парчи, вышитой чистым золотом; кругом со всех сторон на ширину четырех пальцев он был покрыт широким и весьма крупным жемчугом, перемешанным вместе с драгоценными камнями. На груди патриарха был род епитрахили, узанного жемчугом, доходившего до ног, весившего пуд, который мы не могли приподнять».

Получив в святую ночь известие от патриарха о готовности службы, государь в сопровождении бояр и окольных шествовал из престольной палаты в Успенский собор, в котором, сотворив начало, прикладывался к иконам, ракам чудотворцев, к ризе Господней и становился на своем обычном месте у правого столпа, близ патриаршего места, на триступенном рундучке.

В крестном ходе, сопровождавшимся звоном во все колокола, царь участия не принимал, ожидая процессию у затворенных западных врат собора, а войдя в него вслед за отверзшим двери патриархом, до конца службы оставался на царском месте, внимая пению пасхального канона.

В завершение службы государь, прежде других, на середине храма «творил целование во уста» с патриархом и архиереями, а также высшими дворовыми и служивыми чинами, а иных, молящихся в соборе, меньших разрядом, жаловал к руке, причем всех оделял яйцами, расписанными царскими мастерами и монахами Троице-Сергиевой лав-

ры по золоту разными цветами и травами.

По окончании заутрени царь шествовал из Успенского собора в Архангельский – родовую усыпальницу, где, соблюдая древний обычай, прикладывался к святым иконам и мощам и «христосовался с родителями», поклоняясь гробницам своих усопших предков. Царского посещения в сей день удаивались также и другие соборы, монастыри и подворья Кремля.

Возвратившись во дворец, государь христосовался с боярами и всеми придворными чинами, оставшимися в покоях «для бережения» царской семьи. Здесь же, поутру, в Золотой палате, он принимал патриарха и духовных властей, приходивших славить Христа, в сопровождении которых шел затем христосоваться к царице; патриарх и власти при этом благословляли ее иконами и целовали у ней руку.

Раннюю обедню, по приглашению патриарха, государь слушал большею частью в одной из дворцовых церквей, вместе с семейством – царицею и детьми, а к поздней выходил обыкновенно в Успенский собор во всех царских регалиях.

Неделя Святой Пасхи являлась временем проявления милосердия и щедрой благотворительности царем и патриархом. Они обходили и объезжали богадельни, больницы и тюрьмы, повсюду христосовались, возглашая страждущим «Христос воскрес и для вас» и раздавая нуждающимся пасхальные яйца, одежду и яства для разговления.

На светлой седмице в Золотой государыневой палате, нимало не гнушаясь, кормили нищую братию, а блаженные, юродивые и увечные были желанными гостями в термах знати, разделяя с ними радость о Воскрешении Господе.

Торжественность пасхального богослужения, ежедневные крестные ходы с участием в них патриарха и царя привлекали в Кремль громадные массы народа, который с утра до вечера толпился на площадях, обходил соборы, монастыри и церкви, прикладываясь к иконам и мощам, поднимался на колокольню славить Пасху.

Широкая русская душа ликовала, требовала веселия, находя его в народных гуляниях. Долгое время на Руси, потехи ради и для вразумления, держался обычай обливать на светлой седмице холодной водой или же купать в реках и прудах тех, кто по своему нерадению проспал пасхальную заутреню.

Дабы удержать веселие в границах допустимого и поддержать праздничное молит-

венное настроение в народе власти издавали указы о закрытии на всю пасхальную неделю питейных домов и торговых лавок. Нарушивших указы строго наказывали.

Не уступала первопрестольной в праздновании святых дней и провинция. С наступлением Пасхи города оглашались звоном колоколов, в домах накрывались праздничные столы, начинались народные гуляния, неизменно сопровождавшиеся троекратным христосованием и одариванием друг друга пасхальными яйцами. Вот, в частности, как описывали этот обычай посетившие Россию в XVI–XVII веках иностранцы.

«По всем городам и деревням страны, на всех больших и малых улицах русские ставят несколько тысяч бочек и котлов с вареными вкрутую яйцами, окрашенными в разные цвета, а некоторые из них позолоченные и посеребренные. Прохожие покупают их, сколько нужно кому, но ни одного яйца не берегут для себя, потому что во всю Пасху все люди, богатые и бедные, дворяне и простолюдины, мужчины и женщины, парни и девушки, слуги и служанки, носят при себе крашенные яйца куда бы они ни шли.

мицы они, не покладая рук, приводят свои жилища по возможности в нарядный вид.

ХЛОПОТЫ. Мужики заготавливают дрова, хлеба и корм для скотины на всю Светлую седмицу, чтобы в праздник не приходилось хлопотать, а бабы (замужние крестьянки) и девушки хлопчат в избах: белят печи, моют стены и лавки, скоблят столы, обметают паутину. Покончив с убранством избы, они приступают к стряпне. В богатых домах жарят и варят живность, пекут куличи, убирая их мармеладом и монпасье. В бедных же семьях эта роскошь считается не по карману; здесь куличи в виде обыкновенной, без всякой сдобы, булки покупаются у местных лавочников. Таким крестьянам обыкновенно приходят на помощь более богатые родственники, которые из чувства христианского милосердия не допускают, чтобы Светлый праздник омрачался «голодными разговинами», да еще в родственной семье.

Между тем и посторонние не отстают от них – в Страстную пятницу нередко можно видеть шныряющих по селу баб, разносящих по домам бедняков припасы снеди.

Все хозяйственные хлопоты заканчиваются обыкновенно к вечеру Великой субботы, когда народ спешит в церковь слушать чтение «страстей». Читать их считается за честь, так как чтец перед лицом всего народа может засвидетельствовать свою грамотность. Но чаще всего читает какой-нибудь благочестивый старик, которого окружают слушатели из мужиков и вздыхающих баб. И так как смысл читаемого не всегда доступен крестьянскому уму, то внимание притупляется и некоторые покидают чтеца, чтобы помолиться или поставить свечку Святой Плащанице или же просто присесть где-нибудь в притворе и задремать.

Впрочем, осуждать их за это едва ли справедливо, так как во всей стране нашей ни одно сословие не сохранило такой веры, как крестьянство. И нужно принять во внимание, что эти спящие люди истощены строгим деревенским постом, что многие из них приплелись из далеких сел по ужасной весенней дороге и что, наконец, все они донельзя утомлены предпринятой суетой и хлопотами. К тому же спят сравнительно немногие, а большинство толпится в темноте церковной ограды и деятельно хлопочет над наружным украшением храма.

СВЯТАЯ НОЧЬ. Во всю пасхальную ночь здесь слышны говор и крики; народ расставляет смоляные бочки, приготовляет костры; мальчишки суетливой толпой бегают по колокольне и расставляют фонари и плошки, а самые смелые мужики, с опасностью для жизни, лезут даже на купол, чтобы осветить и его. Но вот фонари расставлены и зажжены, вся церковь осветилась огнями, а колокольня горит, как исполинская свеча, в тишине пасхальной ночи. На площади перед церковью густая толпа народа глядит и любит своим разукрашенным храмом и слышатся громкие восторженные крики.

Вот послышался и первый, протяжный и звонкий удар колокола, и волна густого колеблющегося звука торжественно и величаво покатилась по чуткому воздуху ночи. Толпа заколыхалась, дрогнула, полетели с голов шапки, и радостный вздох умиления вырвался из тысячи грудей; народ валом повалил в церковь слушать утреню. Минут через пять в церкви делается так тесно, что негде яблоку упасть, а воздух от тысячи горящих свечей становится жарким и душным. Особенная давка и толкотня наблюдается у иконостаса и около церковных стен, где «пасочники» расставили принесенные для освящения куличи, яйца и всякую пасхальную снесь.

В полночь по приказанию ктитора в ограде палат из пушки или ружей, все осеняют

себя крестным знаменем и под звон колоколов раздаётся первое «Христос Воскресе». Начинается христосование: в алтаре христосуется причт, в церкви прихожане, затем причт начинает христосоваться с наиболее уважаемыми крестьянами и обменивается с ними яйцами. Последнее обстоятельство особенно ценится крестьянами: пасхальное яйцо, полученное в дар после христосования со священником, бережно сохранялось в избе: его подвешивали к лампадке перед божницей в переднем углу, веря, что оно обладает целительными свойствами.

РАЗГОВИНЫ. После окончания литургии все «пасочники» с куличами на руках выходят из церкви и строятся в два ряда в ограде, в ожидании причта, который в это время в алтаре освящает пасхи более зажиточных и чтимых прихожан. Ждут терпеливо, с обнаженными головами; у всех растелены скатерти и на куличах горят свечи.

Но вот причт во главе со священником выходит наружу. Ряды пасочников заколыхались, началась давка, кое-где слышится сдержанная брань рассерженной бабы, у которой выбили из рук кулич. А причт между тем читает молитву и, обходя ряды, кропит святой водой пасхи, за что ему в чашу швыряют гривны и пятаки.

Освятив куличи, каждый домохозяин считает своим долгом, не заходя домой, побывать на кладбище и похристосоваться с покойными родителями. Отвесив на родных могилах поклоны и поцеловав землю, он оставляет здесь кусок творогу и кулича для родителей и только потом спешит домой христосоваться и разговляться с домочадцами. К разговенью матери всегда бьют маленьких детей: «Вставай, детеночек, подымайся, нам Божинька пасочки дал», и заспанная, но все-таки довольная и радостная детвора садится за стол, где отец уже разрезает пасху на куски, крошит освященные яйца, мясо или баранину и оделяет всех. «Слава Тебе, Господи, пришлось разговеться нам», – в умилении шепчет крестьянская семья, крестясь и целуя освященную пищу.

Пасхальный стол оставался накрытым всю седмицу как залог будущего изобилия на весь грядущий год.

ХОЖДЕНИЯ И МОЛЕБНЫ. С первого же дня Святой Пасхи на протяжении всей Светлой седмицы в деревнях обязательно служат так называемые пасхальные молебны, причем духовенство расхаживает по крестьянским избам непременно в сопровождении несущих иконы «оброшников» и «оброшниц», которые иначе называются «богоносцами». «Оброшники» вербуются чаще всего из благочестивых стариков и старух, которые или дали обет всю пасхальную неделю «ходить под Богами», или же желают своим усердием вымолить у Бога какую-нибудь милость.

Прежде чем приступить к своему делу, они обязательно испрашивают благословения священника: «Благослови, батюшка, под Богов стаять», и получив его, принимаются за свои обязанности: кто носит свечи для продажи, кто кружку, в которую складывает весь доход, а иной носит кадило и подкладывает ладан (этот последний оброшник считается крестьянами самым почетным: в редком доме ему не откажут в угощении).

Все оброшники подпоясаны белыми полотенцами, а оброшницы, кроме того, повязываются и белыми платками, в память святых жен мироносиц, которые, по мнению крестьян, были также покрыты белым. Когда все «богоносцы» выстроются у церкви, появляется в облачении священник, и вся процессия, с пением «Христос Воскресе», под колокольный трезвон, шествует в первый, ближайший от храма, двор. К этому времени в избе, перед «домашними Богами», зажигаются свечи, стол покрывается белой скатертью,

тью, причем на стол кладут ковригу или два хлеба, а под угол скатерти насыпается горсть соли, которая по окончании богослужения считается целебной и дается от болезней скоту. Домохозяин без шапки, с тщательно умашенной и прилизанной головой, выходит навстречу «богам», а какая-нибудь молодая-ка с пеленою в руках «сутречает» на пороге избы Божью Матушку и, приняв икону, все время держит ее на руках, пока духовенство служит молебен.

Кроме молебна в избе, многие крестьяне просят отслужить еще один на дворе, в честь святых, покровительствующих домашним животным: Власия, Флора и Лавра, для чего на дворе ставят столы, накрывают их скатертями, а поверх кладут «скотскую» пасху. После молебна она разрезается на мелкие куски и скармливается домашним животным и птице, а скатерть, на которой стояла пасха, псаломщик по просьбе баб, подбрасывает вверх, насколько может выше: чем выше он подбросит ее, тем выше уродится лен.

По окончании молебна иконы выносятся со двора, причем матери кладут в воротах детей для исцеления от болезней, а взрослые нагибаются, чтобы над ними пронесли образа. Но если в каком-нибудь дворе богатый хозяин закажет молебен с водосвятием, то матери не упустят случая и непременно умоют детей святой водою, утирая их холстом, который потом пожертвуют на церковь.

Хождение с иконами продолжается по всем дворам до самого вечера первого дня Святой Пасхи. А на второй день, после ли-

тургии, которая кончается очень рано, иконы несут на «поповку» – к дому причта, где после молебна в доме священника крестьяне получают угощение от своего духовного отца. Само собой разумеется, что на «поповку» в таких случаях собирается все село. Недовольных бывает мало, так как священники не скупятся на угощение, дорожа расположением прихожан и желая в свою очередь отблагодарить их за радушие и гостеприимство.

С «поповки» иконы идут по ближайшим и дальним деревням, обходя решительно весь приход, причем каждая деревня заранее предупреждается, когда к ней «боги придут», чтобы крестьяне успели изготавиться. В дни пасхальных молебнов иконы на ночь приносятся на хранение в дом какого-нибудь зажиточного и уважаемого крестьянина, который обыкновенно сам напрашивается на эту честь и просит священника: «Батюшка, отпусти ко мне Богородицу ночевать». Нередко случается, что по ночам в помещении, где хранятся иконы, прихожане устраивают нечто вроде всенощного бдения: старухи со всей деревни, богомольные мужики и девушки, вымаливающие хороших женихов, собираются сюда и возжигают свечи, поют молитвы и коленапрочно молятся Богу.

НАРОДНЫЕ ГУЛЯНИЯ. Пока духовенство не отслужило у крестьянина в доме молебна, ни он, ни его домочадцы ни под каким видом не смеют предаваться никаким праздничным развлечениям – это считается за большой грех. Но затем, когда «иконы прошли», в деревне начинаются широкие пасхальные гуляния.

Взрослые «гостюют» друг у друга, поют песни и с особенным удовольствием посе-

любимым развлечением на Пасху было катание и битие яиц молодежью. Эти, притом прошлым временам, обычаи ничего общего с установлениями и традициями Церкви не имели, более того – осуждались ею. Такого рода обращение с пасхальным яйцом не считалось приличным.

Ни одна Пасха не обходилась без качелей. Где-нибудь в конце деревенской улицы парни устраивают так называемые «общественные» качели (в складчину), возле которых в праздничных нарядах, не сдерживая себя в проявлениях радости, с утра до ночи толпятся все от мала до велика: девушки с подсолнухами, бабы с ребятишками, мужики и парни с гармониками и «тальянками», благо что с окончанием поста снимался запрет на хороводы, песни и танцы.

К пасхальным развлечениям народа относится также обязательное приглашение в гости кумовьев и сватов: по обычаю во время трапезы обрученных сажают рядом в красном углу; жених, ухаживая за невестой, называет ее обязательно на «вы», по имени-отчеству, или просто «нареченная моя невеста». За трапезой, сгребая руками сласти с тарелки, он потчует ими девицу, а после обеда они, катаясь по селу, непременно обнимают друг дружку за талию.

ПРИМЕТЫ И ОБЫЧАИ. С Пасхой, как самым большим праздником, естественно образом связаны народные приметы и обычаи, неизвестные церкви, но пользующиеся большой популярностью в деревенской среде, из которых выделяются прежде всего связанные с понятием крестьянина о загробной жизни и о душе. В народе царит убеждение, что всякий, кто умрет в Светлую седмицу, беспрепятственно попадет в рай, какой бы грешник он ни был, потому что в пасхальную неделю врата рая не закрываются вовсе и их никто не охраняет. А потому деревенские старики и в особенности старухи мечтают как о величайшем счастье и просят у Бога, чтобы Он даровал им смерть именно в пасхальную седмицу.

Немало примет в народе было связано с земледелием. Так, крестьяне твердо убеждены, что хороший урожай будет во многом обеспечен засевом зерен, которые во время пасхального молебна стояли перед образами и были окроплены святой водой. В этих же целях в избе вплоть до наступления сева всегда хранили пасхальное яйцо, а скорлупу от потребленных разбрасывали на будущей пашне перед первыми посевом.

Что касается деревенских девушек, то и у них имеются свои приметы и обычаи, неизвестные церкви, но пользующиеся популярностью, большая часть которых из ряда сердечных, «любовных».

К числу оригинальных пасхальных обычаев относится и «хождение волочечников». Во многих деревнях так называли тех, кто обходил дворы и, слава Воскресшего Христа, поздравлял с праздником. Считалось, что такой визит приносит хозяевам удачу и процветание; за него было принято одаривать волочечников чем-то съестным или деньгами. «Волочились» как женщины, так и мужчины; в некоторых селах были даже целые пасхальные артели, приносящие немалую прибыль промысловикам.

Народные гуляния на Святой Руси продолжались в течение всей седмицы после Светлого Христова Воскресения.

ПАСХА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Продолжая пасхальную тему, приводим исторические свидетельства и воспоминания участников торжеств, повествующих о приготовительных великопостных днях и праздновании Пасхи Христовой в Москве и Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX веков, о традициях, которыми была полна жизнь наших пращуров и о которых мы не имеем сколь-либо верного и полного представления

МОСКВА ПАТРИАРХАЛЬНАЯ

О какой Москве пойдет речь? О той, где в середине XIX века улицы освещались лишь светом из окон. О той, в которой долгое время обязательным был послеполуденный сон. О той, где по весне цвели сады. О той, где короновали царей. О той, которая, уже не будучи столицей, продолжала задавать в России тон. О той, что хранила родовые гнезда Романовых, Шуйских, Воротыньских, Долгоруких... О той, в которой под звуки рожков по Большому Каменному мосту гнали коров пастись на сочных «лужнецких» лугах. В Лужники еще ездили и соловьев слушать, и на Воробьевых горах в знаменитом трактире купца Крынкина посидеть: парниковой клубники поесть да с устроенной предпринимчивым купцом смотровой площадки в который раз полюбоваться первопрестольной.

Вот Москва дворянская: пустыне до полудня Никитские улицы, Пречистенка, Остоженка. К 12 часам первыми выходили на прогулку дети с гувернерами-французами и няньками-немками, позже появлялись барыни на парных санях с лакеями на запятках, последними выезжали по своим делам отцы семейств. Вот что писал о дворянской Москве П.А. Кропоткин, отпрыск Рюриковичей (впоследствии, правда, «страхнувший» с себя дворянские традиции): «В этих тихих улицах, лежащих в стороне от суеты и шума торговой Москвы, все дома очень похожи друг на друга. Большею частью они деревянные, с ярко-зелеными крышами, у всех фасад с колоннами, все выкрашено по штукатурке в веселые цвета.

Почти все дома были в один этаж с выходными на улицу семью или девятью большими светлыми окнами. Во двор вели широкие ворота, и на медной доске над калиткой значилось обыкновенно: "Дом поручика или штаб-ротмистра и кавалера такого-то..." На углу стояла полицейская будка, у дверей которой показывался сам будочник, с алебардой в руках, чтобы этим безвредным оружием отдавать честь проходящим офицерам..."

А вот купеческое Замоскворечье, весной утопающее в ароматах бело-розового цветения, а осенью – в запахах кипящего в каждом доме варенья. Бесконечные заборы, ворота на прочных замках, во дворах свирепые псы. За воротами – каретные сараи, живность в загончиках, сады с пионами, анютиными глазками, яблонями да кустами крыжовника и черной смородины. В домах – тяжелая мебель красного дерева, киоты с иконами старого письма, часы с боем, клетки с канарейками на подоконниках. На улицах и переулках – тишина; ни пешего, ни проезжего; окна закрыты, занавески спущены. Будочник замоскворецкий днем обычно мирно сидел на пороге своей будки, и, отставив алебарду, тер табак, а ночью стучал в чугунную доску и временами кричал на всю улицу: «Посматривай!» А еще с Воробьевых гор слышны были звоны, густые и нежные – «малиновые», плывущие над Москвой и очищающие ее.

Отшумела по Москве масленица – последняя неделя перед Великим постом. Немерено съедено было за эту неделю блинов, оладушек, пирогов-расстегаев; рекой лилась на блины сметана, тоннами клалась икра, килограммами – всевозможная рыба. Казалось, в эти дни не солнце, а огромный, с пылу-жару блин источал над Москвой тепло. Откатились с гор на санях, выпили все вино в трактирах и ресторанах и... затихли. Завтра – первый день Великого поста.

В купеческих, дворянских, мещанских домах масленицу «выкуривали» – был такой народный обычай. Клали в таз горячий кирпич и мяту, а сверху лили уксус и тазом этим обносили комнаты – изгоняли последние скоромные запахи. Горящие перед иконками лампадки красного стекла исчезали – теперь на весь пост будут строгие синие или прозрачные. Мебель покрывали чехлами. Наступала тишина. К чистому понедельнику

вся Москва преображается. Обильные лавки и магазины за одну ночь меняют зазывную яркость витрин и вывесок на скромные серо-коричневые тона занавесей – здесь, как и на рынках, семь недель будет царить Великий пост.

И главным «героем» поста и хозяином рынков станет гриб! Знаменитый постный рынок Москвы раскинулся на весь Китай-город: вязки сухих грибов, баранки, мешки с разноцветным горохом, редька и кислая капуста, начинки для постных пирогов – моршкочка, черника, брусника, клюква, кадки с солениями. Питье в изобилии: и квас – солодовый, кислочейный, бражный, хлебный, и сбитень. В медовом ряду предлагают мед липовый, гречишный, травяной. Его пробуют кто деревянной ложкой, кто баранкой, кто сайкой, а кто и – тайком – просто пальцем. Есть и варенье, и великопостный сахар – большие пласты зеленого, красного, розового, лимонного цветов. И изюм, чернослив, халва, пастила «особая» из города Белева...

На Солянке, Остоженке, Дорогомиловской заставе, в Голутвиных переулках столы

и в пост были обильны, особенно в любившем покушать Замоскворечье. Среди прочего подавали горох тертый, кисель гороховый, всевозможные грибы – и холодные, и вареные, и чуть присоленные; капусту ленивую, пироги с морковью, чернослив, различные орешки, клюквенный компот, изюм кувшинный, сайки, пастилу рябиновую.

Весь пост обязательны были ежедневные посещения храма. Здесь тоже все иначе, чем обычно: службы продолжительнее непостных, преобладает не пение, а чтение, яркие, с позолотой покрывала сменяются на черные, батюшки тоже служат в черных епитрахлях. Встают раньше обычного, спешат в храмы: дворяне – в Большое Вознесение (что у Никитских ворот), в Илью Обыденного, в Зачатьевский монастырь, купечество – во Всех Скорбящих Радости, Николау в Толмачах, мещанство – в Филиппа Митрополита.

По обычаю постом перед Пасхой москвичи непременно ходят к Иверской часовне, что у Воскресенских ворот Китай-города, поклониться чудотворной Иверской иконе. Но это народ попроще. Многие же знатные люди и богатые купцы принимают московскую святую у себя дома. О времени и дне договариваются заранее. Икона путешествует по Москве в огромной карете, запряженной шестерней лошадей с форейтором. В часовне в это время находится ее копия – список иконы.

В домах в эти дни обязательно принимают нищих и убогих – не по одному-два, а по тридцать-сорок человек – насколько позволял достаток. Стараются читать в основном книги духовного содержания, говорили вполголоса, рано ложились спать.

Но вот уже и Благовещение подоспело. Повсюду пахнет кулебяками с вязигой, особыми «благовещенскими» пирогами на четыре угла: с грибами, семгой, налиньей печенкой, судачьей икрой... Еще в Благовещение принято выпускать на волю птичек из клеток – давняя московская традиция. Сразу после праздничного богослужения все идут на птичьи базары. Открываются клетки, и целые тучи птиц взмывают в небо (некоторые и приторговывают птичками «для воли»). И стоят москвичи, замерев, с задранными головами, смотрят в небо...

Капелью весенней уходят дни Великого поста. Наступает Вербное воскресенье (последнее перед Пасхой, за которым начинается самая строгая неделя поста – Страстная) – Вход Господень в Иерусалим. Люди, встречавшие Христа в Иерусалиме, устилали его путь ризами (одеждами) и вайями (пальмовыми ветвями). Но откуда же взяться пальмам на Руси? Вот и появился обычай встречать этот праздник вербой, весенним русским первоцветом. И едут сани-подводы-телеги по Калужской дороге к

Но затишье Страстной обманчиво. Накануне Пасхи Москва вся в хлопотах – прибираются к празднику храмы, в церкви привозят на телегах можжевельник и раскладывают на полу для запаха, кресты на куполах украшают пунцовыми иллюминационными огнями – «кубастиками», которые загораются во время крестного хода от подведенных к ним зажигательных нитей.

На Девичьем поле устанавливаются балаганы для народных гуляний, в мясные лавки завозятся окорока и колбасы. Поскольку людей, не державших пост, в старой России можно было пересчитать по пальцам, мясные деликатесы подаются на Пасху к столу обязательно: разговеться так со вкусом.

Подкрашиваются фасады домов, подновляются заборы, чистятся дворы и улицы, приводятся в порядок жилища так, чтобы паутина не оставалась даже в самом труднодоступном месте. Деревянные полы натирают мастикой, застилают их в гостинной пасхальным ковром с пунцовыми букетами, а в остальных комнатах красными коврами дорожками. На иконы в качестве украшения одевают венчики из пасхальных роз пунцового цвета, фиолетовые постовые лампадки снимают, заменяя на радостные красные, под цвет праздника. К окну ставят крутящуюся карусель с яичками, подвешенными на золотых колечках и алых ленточках. Буквочки «Х» и «В» сбивают из планочек и крепят на ставнях, дверях и в комнатах.

Хозяйки трудятся, не покладая рук: красят яйца в разные цвета, а то и с рисунками на пасхальные темы; выпекают куличи, в каждой семье по-особому, своему рецепту, готовят несколько разных твороженных пасх: для себя, для гостей, бедным родственникам и для народа. В качестве формы используют пасочницы, изготовленные умельцами из дощечек, на стенках которых вырезаются виноградные грозди, «священный крест», иродово копьё, лестницу на небо, птичку и буквочки «Х» и «В».

Наконец, в домах наступает тишина, в комнатах полумрак – отдыхают в преддверии пасхальной заутрени. На окнах, на шкафах, в корзинах и лукошках – крашеные яйца; на креслах, диванах, пуховых подушках прикрытые кисеей – куличи. Вот как описывают москвичи в своих воспоминаниях конца XIX века эти наполненные ожиданием часы.

«В шесть часов прекратилось трамвайное движение, и постоянно раздражающий гул города, достигший особенного напряжения в предпраздничные дни, стал понемногу уменьшаться, и к восьми вечера Москва от Хамовников до Сокольников совсем затихла. Поредела толпа, потемнели и опустели магазины, куда-то исчезли извозчики, затихли гудки автомобилей, и непривычная странно-величавая тишина опустилась над столицей. Часа два длилось это торжественное молчание, почти ничем не нарушаемое, ничем не тревожимое.

Только после десяти на опустелых, притихших улицах стало царить оживление; появляются пешеходы, спешащие в храм на богослужения, опять замелькали извозчики, высаживая нарядных людей у ярко освещенных церквей. Дома оставались лишь совсем маленькие дети да старики».

Наступает Светлое Христово Воскресение. Кажется, будто единым духом, венчающим крестные ходы, по всей Москве пронесется: «Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!» Свершилось, о чем во след Ивану Великому возвещают все сорок сороков московских церквей, всполохи разноцветных бенгальских огней, зажженных на Соборной площади, иллюминации на кровлях храмов да залпы 17 орудий с Тайницкой башни.

После полуночи людские толпы выселяются из храмов на улицы и тянутся в сторону Кремля слушать пасхальный благовест. К самой же пасхальной заутрене в Успенский собор, где служил митрополит, съезжалась публика, которая побогаче. Но многие

Москва-реке с пушистой, осыпанной золотистыми крапинками вербой.

На праздничных богослужениях вербу освящают. Слово огромное пушистый лес на мгновение вырастает под сводами храма: все поднимают свои веточки, чтобы попала на них святая водичка. Потом возвращаются домой, бережно неся в руках вербные букетики, которые будут стоять под иконами до следующего года. Особо благочестивые москвичи по старинному обычаю из пушистых комочков чай заваривают – для укрепления души и тела.

На Красной площади тем временем устраиваются Вербные гуляния: продаются ветви верб с кудрявыми барашками почек, воздушные шары, свистульки, маленькие обезьянки из раскрашенной вагы, бумажные цветы, сладости. Веселые толпы людей, детские крики, смех. К вечеру воскресенья ярмарка закрывается.

В Страстную Москва и вовсе замирает. Вечерами над городом плывут протяжные звоны. Великий Четверг. Во церквях читают 12 отрывков из Евангелия, повествующих о последних земных днях Спасителя... Москва пуста, все в храмах. С этой службы москвичи стремятся обязательно принести домой горящую свечку и затеплить от нее домашнюю лампадку. И текут по улочкам и переулкам ручейки огня. Люди бережно несут горящие свечи, прикрывая их от ветра кто ладонью, кто полой пальто, а кто и специальным стеклянным колпачком, – несут в свои дома частичку света Господня. От этой свечи зажигают лампадки, выжигают кресты над всеми входами-выходами жилища и над изголовьями кроватей.

именитые купцы предпочитали храмы неподалеку от дома. Тем более что многие из них были старостами своих приходских церквей.

Бесчисленное количество экипажей выезжает утром от монастырей, соборов, церквей. На выходе из храмов знакомые и незнакомые москвичи христосуются, обмениваются взятыми заранее из дома крашеными яичками: «Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!»

Начинается разговенье. Народ, который попроще, разговляется уже у храмов – чарочкой, яичком, куличиком, другие же спешат домой поделиться пасхальной радостью с родными. По случаю праздника дарят подарки прислуге, христосуясь с ней, многие ездят на кладбище к могилам родных.

На Пасху не обходится и без визитеров. Первые появляются в самый день после 11 утра, ближе к вечеру съезжаются близкие друзья. На следующий день визиты продолжают. Большая часть горожан «визитов» не наносит, но в гости к друзьям и знакомым на кулич и пасху, конечно, ходят все.

Душа ликует! Семь недель поста позади, очистилась она молитвой и причащением и славит Господа, внимая неугасающему перезвону: всю послепасхальную неделю позволено взбираться на любую колокольню и звонить, сколько сердце просит...

ГОРОД ПЕТРА

За неделю до Пасхи весь Петербург преобразился: повсюду открывались вербные базары, торговля на которых была рассчитана на незыскательную публику, в основном молодежь, учащихся и детей. Самые крупные из них располагались в Гостином дворе, вся крытая галерея которого, а также прилегающий тротуар были сплошь заставлены бесчисленными столиками и миниатюрными ларьками; тут же ютились сотни продавцов, торговавших товаром прямо с рук и хранивших весь свой «магазин» в какой-нибудь коробке или корзинке.

Изрядно потолкавшись в толпе – на базарах собирался чуть ли не весь город, – можно было купить все необходимое для праздника – пасхальные открытки, игрушки и украшения, вербу, павлиньи перья и живых птиц, воздушные шары и особые «вербные» вафли: ассортимент был самый широкий и разнообразный. В 1900-х годах в продаже появились уже готовые пасхальные наборы для приготовления пасхи, куличей и для окрашивания яиц.

На вербных базарах стоял невероятный шум: звуки пищалок, визг ребятишек и крики зазывал – реклама велась устно, рифмованные строки распевались продавцами на все лады. Полки магазинов тоже ломались от товаров – в город завозилось много продуктов, необходимых для приготовления пасхального стола.

В пятницу на Страстной во всех домах пекли куличи, варили творожную пасху, запекали окорока, варили и красили яйца. Заготовки велись в таких масштабах, что хозяйкам одним справиться было трудно и тогда к этому делу привлекались все члены семьи. Мужчины были заняты заготовкой вина и водки. Никто сложа руки не сидел, всем хватало дела.

Часов в 11 вечера город оживал, толпы нарядных людей с пока еще не зажженными свечами потянулись к храмам, особенно к Исаакиевскому, Казанскому, Троицкому соборам и Александрово-Невская лавре. Столица к тому времени уже украшена разноцветными фонариками, развешанными вдоль улиц, на тротуарных тумбах и выступах домов стоят площадки с маслом и фитилем.

Исключительно впечатляющее зрелище можно было наблюдать на площади Исаакиевского собора. Расположенные на его углах на высоте 35 метров светильники, поддерживаемые коленопреклоненными ангелами, заполнялись горячим и зажигались в

полночь Светлого Христова Воскресения. Вознесенные к небу языки пламени, освещавшие площадь, придавали ей праздничный, торжественный вид, чему способствовало и то, что на площади, с зажженными свечами стояла огромная толпа народа, ожидавшая крестный ход – собор не мог вместить всех желающих.

«К слушанию заутрени собирается ко всем церквам весь Петербург. Особенно торжественны заутрени в Исаакиевском и Казанском соборах, кроме того – в Зимнем дворце, куда съезжаются все, имеющие право приезда ко двору. По трем пушечным

выстрелам, которые производятся в крепости, последних из которых производится ровно в двенадцать, раздается первый удар громаднейшего колокола в Исаакиевском соборе, и вся столица моментально освещается огнями торжественной иллюминации и оглашается звоном колоколов всех церквей. Миллиарды огней от восковых свечей у храмов, газовых щитов, по улицам – у панелей, электрического света на высоких столбах Невского проспекта и других улиц, Дворцовой площади и набережной – образуют чрезвычайно эффектный вид».

По окончании праздничного богослужения люди с зажженными свечами возвращались из храмов домой, чтобы засветить ими лампадки, по дороге шумно христосуясь. Дома за празднично накрытым столом начиналось разговенье. Конечно, меню богатого и бедного петербуржца существенно отличалось, но даже семьи с низким достатком старались в этот день должным образом отметить праздник. Главным атрибутом пасхального стола были кулич и пасха, украшенные бумажными цветками, и яйца. Для окрашивания яиц использовали не только луковую шелуху, но и всевозможные красители, красящую бумагу, с помощью которой создавали на скорлупе рисунок под мрамор.

Для декора стола часто использовали пророщенный овес. За несколько недель до Пасхи в вазу, предназначенную для пасхальных яиц, насыпали землю и высевали зерна. Перед Пасхой в выросшую зеленую травку укладывали окрашенные яйца. Куличи, пасху, окорока декорировали бумажными цветами или «хвостами» – тонкими ленточками,

собранными в пучок и завитыми на концах.

К традиционному пасхальному блюду относился и свиной окорок, ножка которого украшалась большим бумажным хвостом – нарезанными завитыми на концах тонкими ленточками – отчего он выглядел очень даже пушистым. Дополняли пасхальный стол вина – такова уж сила народной традиции.

О наступлении первого дня Пасхи сообщал колокольный звон. Учитывая, что в Петербурге к началу XX века было около шестистот церквей, можно представить, какое звучание разливалось над городом. На Пасху всех желающих пускали на колокольню, где за «пяточек» можно было получить возможность ударить в самый большой колокол, пока звонарь выводил мелодию на остальных колоколах. Отказа никому не было – дело призывное, пяточек не помешает.

Вся пасхальная неделя проходила в обязательных визитах с поздравлениями и угощением, которые начинались в первом часу, однако, еще до появления визитеров, часов с одиннадцати утра, приходили поздравлять жильцов домов дворники, трубачисты, швейцары, почтальоны, получая «праздничные». Старшего же дворника, по существу управляющего домом, иногда даже приглашали к столу, угощая рюмкой водки.

Кроме родственников и друзей визиты наносили и подчиненные, поздравляя начальство. Невысокое встречало визитеров на квартире, угощало. Высокое же, важное, таких вообще не принимало – визитеры оставляли свою подпись в журнале, находившемся в вестибюле парадной лестницы у швейцара. Для этого к приходу гостей накрывался отдельный столик с угощениями.

Визиты длились не более пяти минут. Чтобы успеть объехать весь город в день Пасхи, визитеры нанимали извозчика, который возил их по нужным адресам.

Днем на Пасху на городских площадях Петербурга проходили традиционные народные гуляния, программа которых с 1820 года стала регулярно печататься в газетах. Праздничные представления, продолжавшиеся неделю, начинались в полдень, о чем оповещал выстрел из пушки, а заканчивались в восемь часов вечера. На них петербуржцам предлагались всевозможные развлечения: деревянные качели, карусели, театральные представления, получившие название балаганов, главными действующими лицами которых были Пьеро, Арлекин и Коломбино. В перерывах между их сценками публику смешили циркачи – фокусники, жонглеры, акробаты. Со временем на пасхальных гуляниях появились настоящие механические карусели, аттракционы по измерению силы и стали проводиться катания на велосипедах, а в одном из балаганов был даже установлен небольшой кинотеатр.

В садах открывалось катание на лодках, да и по Неве, если Пасха совпадала с открытием навигации. Люди, которые побогаче, больше молодежь, веселились на балах, которые устраивались вплоть до 1920 годов.

В качестве подарков преподносили нарядные яйца и сувениры на пасхальную тему. К примеру, фирма Фаберже, известная как производитель драгоценных пасхальных яиц для Императорской Семьи и очень богатых клиентов, выпускала большое количество недорогих подвесок в форме яйца,

я ездил с отцом по приютам и раздавала детям яйца и булочки с приложением блестящего гривенника. И я не знаю, кто получал большее удовольствие – дети или я?

В пятницу делали творожные пасхи всех сортов. Творог протирали сквозь решето и с разными сладкими ароматными добавлениями укладывали в деревянные разборные формы – пирамидки с вырезанными на стенках узорами и буквами «Х.В.» – Христос Воскресе. В этот же день выпекался в тесте окорок. В субботу пекли разные торты и куличи, которые к вечеру заполняли несколько столов.

Последние три дня, кроме возни со стиральной, нужно было еще посещать церковь. Так как в субботу все уже еле держалось на ногах, то после раннего вечернего чая все расходилось отдохнуть до заутрени. Как я любила эти два-три часа, когда весь дом затихал! Вот я брожу одна по парадно убранному, затихшим комнатам, освещенным только лампадками перед иконами. В гостиной-большой продолговатой комнате – чудесные мягкие ковры и бархатные скатерти. Золотистая мебель, стоявшая весь год под чехлами и такие же портьеры на окнах. В зале тоже портьеры, только серебряные. И везде море цветов. Из оранжереи на даче привезены в больших кадках цветущие камелии, олеандры и пальмы. Внизу под ними стоят гиацинты, нарциссы, ландыши, тюльпаны. Все это отражается в больших зеркалах-трюмо, занимающих все простенки. Паркетный пол в зале натерт до блеска. Я разбегаюсь и катаюсь как на коньках, хотя это строго воспрещено. Или ложусь на пушистый ковер в гостиной.

В десять часов в доме начинается движение. Ужина в этот день нет. Раздвигается в столовой большой стол для разговенья готовятся парадные светлые платья, даже бабушка сменяет обычное черное на светло-серое. В двенадцатом часу все отправляются к заутрене.

Внутри церкви убраны цветами и зеленью, пол посыпан пихтовыми ветками, издающими прекрасный аромат. В 11 часов раздаются три удара колокола на кафедральном соборе, на которые сразу откликаются все церкви города. Затем идут частые удары. В половине двенадцатого они смолкают, и начинается служба, полунощница, в полутемной еще церкви.

Ровно в 12 часов вспыхивает свет и начинается праздничный звон во все колокола. Распахиваются двери. Впереди несут хоругви, затем идет хор, за ним архиерей и священники. У всего народа восковые свечи в руках. Крестный ход обходит вокруг церкви три раза, навстречу движению солнца. Обойдя вокруг три раза, крестный ход останавливается перед закрытыми дверями церкви. После краткой службы двери распахиваются, и архиерей с радостным возгласом «Христос Воскресе!» входит в церковь, а за ним весь народ, отвечая «Воистину Воскресе!»

Вот и разговенье, чего только нет на столе! Кончается оно на рассвете, каком-то особенном. Выйдешь на балкон, и охватывает тебя благоухающий весенний воздух с запахом тополей и талой земли. Все звуки приобретают особую гулкость. Не хочется идти спать, ведь сегодня, по народному поверью, солнце играет при восходе.

Утром нам дарят разнообразные яйца: шоколадные с маленькими сюрпризами внутри, большие деревянные с игрушками внутри, художественные, фарфоровые, хрупкие восковые, граненые, стеклянные.

На второй день ездил в женский монастырь, где было кладбище, – «христосоваться с покойниками». Там гуляли в березовой роще, разбирали надписи на памятниках, затем шли к игуменье, которая нас угощала свежими просфорами и вкусным ржаным хлебом с густыми сливками и дарила каждому по расписному яйцу.

* * *

Пасха в Петербурге оставалась главным народным праздником, но в среде чиновников и интеллигенции она отменялась без той искренности, которые свойственны были Москве и провинции. Причина, видимо, коренилась в традициях: праздничная и зрелищная культура эпохи Петра I была в большей степени ориентирована на светские и отчасти заимствованные из Европы формы развлечений, а не на старый церковный церемониал, которого строго придерживалась патриархальная Москва.

ПОБЕДНАЯ ПАСХА 1942 ГОДА

«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» – эти слова, прозвучавшие в первый день самой страшной в истории человечества войны, стали символом очень важных перемен в жизни нашей страны. Перемен, без которых ни о каких победах невозможно было и помышлять. Перемен, связанных с осознанием гражданами СССР себя единым народом в священной войне с фашизмом.

Предвестником грядущей победы советского народа стала Пасха Христова 1942 года, знаменовавшая собою поворота от безбожных гонений к торжеству православия на нашей многострадальной земле, победу света над тьмою.

Весна 1942 года – время контрастности Красной Армии под Москвой, отброшившей фашистов от столицы. Несмотря на очевидные успехи на фронте, обстановка оставалась напряженной – враг стоял в 100 км от Кремля. В прифронтовых городах действовал строжайший комендантский час. И вот – немислимое событие – на одну ночь для всей Москвы отменяется комендантский час! Война стирала все наносное, преходящее, очищая души и сердца людей.

«Представьте себе: идет жестокий бой, – вспоминал о своем пути к Богу наместник Псково-Печерского монастыря архимандрит Алипий (Воронов) – на нашу передовую лезут, сминая все на своем пути, немецкие танки, и вот в этом крошечном аду я вдруг вижу, как наш батальонный комиссар сорвал с головы каску, рухнул на колени и стал молиться Богу. Да-да, плача, он бормотал полубезумные с детства слова молитвы, прося у Всевышнего, Которого он еще вчера третировал, пощады и спасения. И понял я тогда: у каждого человека в душе Бог, к Которому он когда-нибудь да придет».

Удивительные слова в годы войны вышли из-под пера одного из организаторов антирелигиозных кампаний в СССР непримиримого борца с Богом Б. Кандидова: «Много раз я видел в церквях фигур женщин, склонивших свои колени, опустившихся на холодный каменный пол и с трепетной и горячей молитвой смотревших на пустые глаза икон. Плакали и молились с горячей верой, надеялись, что Бог, добрый и милосердный, сжалится и спасет их близких, проливавших свою кровь в жестокой борьбе с опасным и страшным врагом».

При множестве причин, побудивших руководство страны принять решение о возобновлении пасхальных богослужений, главным все же было желание укрепить в народе веру в победу жизни над смертью, добра над злом – решение, которое принималось не без участия иерархов Русской Православной Церкви.

Благодаря сохранившимся воспоминаниям непосредственных участников событий, мы имеем возможность выборочно воспроизвести хронике пасхальных торжеств в прифронтовых городах и селах. За приводимыми повествованиями простота и величие души русского человека, верой и правдой служащего Богу и земному отечеству.

* * *

МОСКВА ПРИФРОНТОВАЯ

Из воспоминаний Г.П. Георгиевского:

«В 1942 году Православная Церковь праздновала самую раннюю Пасху. Московские храмы были переполнены богомольцами, особенно говеющими в Великий пост. Все стремились исповедаться и причаститься. Причастников в храмах собиралось так много, что служба начиналась в 6.30 утра и оканчивалась в 4-5 часов дня».

Подошла последняя перед Пасхой Страстная неделя. Вопрос о полуночных службах остро стоял во всех православных приходах Москвы. В 6 часов утра в субботу 4 апреля утреннее радио неожиданно для всех началось сообщением распоряжения коменданта Москвы, разрешающего свободное движение в столице в ночь на 5 апреля.

Митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич) оповестил православные приходы о едином образном традиционном праздновании Воскресения Христа в пасхальную полночь. Восторгом православных москвичей, удовлетворенных в самых завет-

ных своих ожиданиях, не было конца.

В 7 часов вечера, в субботу, в прозрачные весенние сумерки я пошел к своему приходскому храму. Еще вдали от него мое внимание привлек поток людей с однообразными узелками в руках. Это были небольшие свертки, тщательно и не туго завязанные в белоснежные салфетки и скатерти. Мудрено было не узнать куличей и пасох. Поравняв шуюся со мной старушкой, решаю спросить: «В церковь идете, бабушка?» – «Да, вот иду в церковь, освящать пасху. Слышал, какое распоряжение вышло?»

Длиннейшая очередь стоит на тротуаре и огибает церковь. Идут попарно. Прикладываются к плащанице. Протискиваюсь в храм. Перед алтарем и у стен плотные ряды тех самых узелков. Только они теперь открыты и украшены горящими свечами. В узелках можно разглядеть куличи, украшенные цветами, в некоторых лежат крашенные яйца.

Не торопясь, богомольцы заполняют Богоявленский кафедральный собор в Елохове. Начинается пасхальная заутреня, которую возглавляет Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский). Открылись царские врата, и перед глазами богомольцев заблестала красота престола, за престольных икон, украшенных и окруженных всем церковным благолепием и масляной разнообразных живых цветов. Понятно изумление простой русской женщины, пораженной неожиданностью открывшейся картины: «Как в раю!»

К заутрени прибыли представители английской армии. Богомольцы и иностранные офицеры стоят с возжженными свечами. Едва святитель начинает петь пасхальный тропарь, как весь собор, как один человек, подхватывает известное всем православным с младенчества «Христос Воскресе!» Неизгладимое впечатление!

В четвертом часу утра пасхальная литургия закончилась. Тихо и спокойно расходились по домам».

Из воспоминаний А. Стрешнева:

«Пасхальная ночь. Город отвык выходить на улицу в этот поздний час, и даже в большие государственные праздники соблюдается строгий режим. Но в эту ночь, может быть на одну только в году, разрешено ходить по всему городу всю ночь напролет. По древнему русскому обычаю, в пасхальную ночь весь город открыт народу, двери церквей раскрыты настежь и сердца людей раскрыты друг перед другом: это первая ночь весны, когда мертвое зерно трогается в рост на встречу свету из земной могилы, когда умерший Иисус встает из гроба, поправ мрак и смерть. И по глухим переулкам Замоскворечья, остушаясь о груды необранного снега, люди идут к заутрене. Они идут, помня каждый выступ и выбоину по дороге к храму».

Сейчас, в эту пасхальную ночь войны, так тесно в церкви, что нет возможности протиснуться вперед. Утренняя еще не началась, а запоздавшие уже не могут сами отнести и зажечь свечи перед теми образами, к которым лежит сердце. От паперти, от конторки,

где они продают, запоздавшие просят передать эти свечи дальше, и вместе со свечами от ряда к ряду переходит просьба верующих:

– Зажгите одну Воскресению, другую Невскому, одну Воскресению, другую князю Владимиру, третью Ольге».

Вся тысячелетняя борьба народа вспоминается здесь в ожидании часа, когда раскроются врата алтаря и хоры грянут заутреню. Вот уж и священник обращается к верующим: «Город наш окружен тьмой. Враг не выносит света, готов обрушиться на него. Мы сегодня не зажжем паникадил, не пойдем крестным ходом, как бывало испокон веков, окна храма забиты фанерой, двери глухо закрыты. Но мы зажжем свечи, которые у каждого в руках, храм озарится светом. Мы верим в воскресение света из тьмы. Свет, который внутри нас, никакой враг погасить не в силах. Воинство наше – мужья, братья, сыновья и дочери – в этот час стоят на страже нашей страны против сил тьмы. Храните в себе свет, веруйте в победу. Победа грядет, как Светлое Воскресение».

И, перебегая от свечи к свече, по храму потекла сплошная волна света. И весь воздух содрогнулся от весеннего возгласа: «Христос воскрес!» И каждый понял, что внутри себя ни разу не чувствовал сомнения, что все пройдет, что затаенная во мраке правда живет, не угасает. Что день воскресения близок».

Из воспоминаний Н. Моршанского:

«Субботный день был в Москве сыр и сумрачен. Оседали на дворах снежные су-

отдалении от всех, стоит маленькое, робкое семилетнее существо. В ее тонких ручонках, на обрывке вчерашней газеты, кусок серого пшеничного хлеба с воткнутой в него свечкой. Священник благословляет и этот смиренный пасхальный хлеб, хлеб войны».

Может быть, в эти полуночные часы, когда в храмах Москвы шла торжественная пасхальная служба, где-то на дальних подступах к столице шли воздушные бои и грохотали зенитки, создавая стену разрывов, сквозь которую враг не мог пробиться к городу и нарушить мирное совершение православного торжества. Они не пробились, и заутреня, посвященная победе света над тьмой, добра над злом, шла своей чередой».

Громадные людские толпы, заполнившие собор, колыхались мерно. Трепещущее пламя свечей, огни люстр, кадильный дым, сливаясь, поднимались ввысь, к шатру, к грозной фигуре Саваофа, Творца и Вседержителя. Молитвенные слова и голоса священников доносились из алтаря, где осиянный огнями семисвечника Иисус как бы царил над миром скорби».

Мы не забудем всех бомб, сброшенных на наши дома, и особенно в эту ночь, когда душа русских людей, верующих во Христа, трепетала в молитвенном горении. Наступит воздаяние, оно близится, и во имя высшей справедливости не законы милосердия вступят тогда в силу, а суровые законы Бога Отца, карающего преступление человека против лучших устремлений человечества».

Согласно информации начальника Управления НКВД Москвы и Московской области М.И. Журавлева, пасхальное богослужение в ночь на Христово Воскресение в Московской области посетили около 85 тыс. человек и в самой Москве около 75 тыс. «Верующее население и духовенство в связи с религиозным праздником Пасхи, а также полученным разрешением беспрепятственного хождения населения г. Москвы и районов Московской области в ночь с 4 на 5 апреля реагировало положительно».

БЛОКАДНЫЙ ЛЕНИНГРАД

К счастью, авиационный налет люфтваффе на Москву в пасхальную ночь 1942 года не состоялся. А вот в блокадном Ленинграде Пасха прошла под грохот канонады. В 17 часов 4 апреля, в Великую Субботу, немцы начали артобстрел города, который длился с небольшими перерывами всю пасхальную ночь. Чуть позже к городу прорвались 132 бомбардировщика. Их основными целями были стоявшие на Неве корабли Балтийского флота, но бомбили действующие храмы и жилые кварталы».

Один из главных ударов пришелся по Князь-Владимирскому собору. Бросали бомбы, обстреливали храм на бреющем полете из пулеметов. Богослужение пришлось перенести на 6 часов утра, что позволило избежать многих жертв. А утром потянулись люди, после службы освящая кусочки блокадного хлеба».

Настоятель собора, протоиерей Николай Ломакин доложил о бомбардировке храма митрополиту Ленинградскому Алексию (Симанскому), будущему Святейшему Патриарху. «И это в пасхальную ночь! – воскликнул тот. – Ничего: будет и по-другому. Христос воскрес! Не падайте духом. Бодрите других. Наш долг быть твердыми: мы – русские, мы – православные христиане».

«Высшим выражением радости, – как вспоминал Владыка в последующем Пасху 1942 года, – является служба в Пасхальную ночь. В эту священную для христианина ночь Ленинград не был охвачен в покое врагом. Не только в исходе дня Великой Субботы, но и в самую ночь под Пасху он произвел жесточайший налет на город. Нет слов, чтобы выразить всю мерзость и гнусность этого покушения. У нас и неверующие люди уважают религиозные чувства верующих. А тут враг пытается уязвить в самое больное место, и чем меньше это ему удастся, чем больше он сам несет жертв, тем он более жесток и нагл».

Несмотря на то, что праздничное богослужение было перенесено на утро, тем не менее кровь пролилась. Настоятель собора отец Николай Ломакин в своих показаниях на Нюрнбергском процессе так описал Великую Субботу 1942 года: «В 5 часов 30 ми-

